

Марина
Георгиевна
ЧИСТЯКОВА

ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕКСТА В ЖИВОПИСИ МОДЕРНИЗМА

В статье рассматриваются различные контексты использования текста в изобразительном искусстве модернизма.

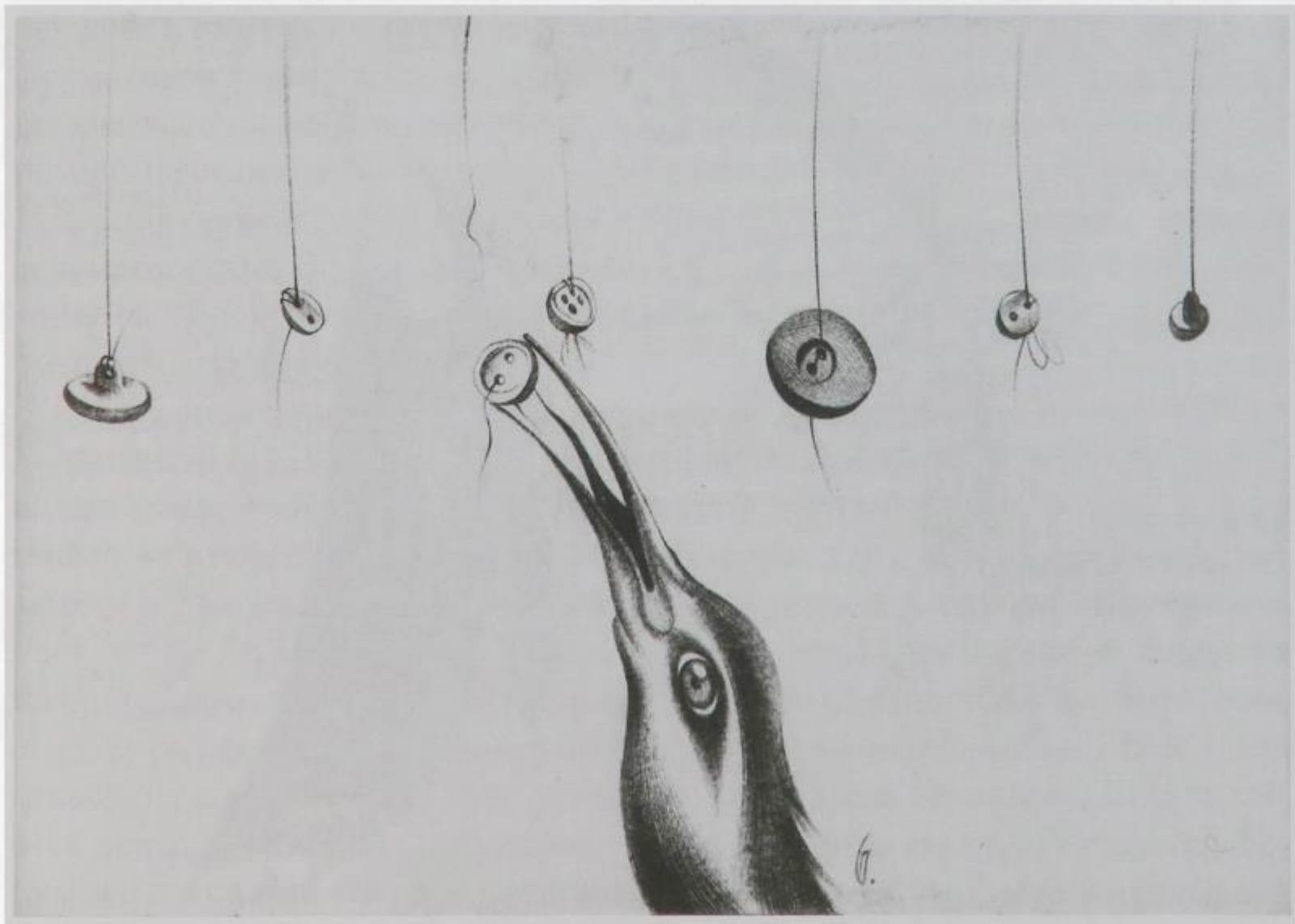
Использование текста в изобразительном искусстве имеет давние традиции: античные вазы, византийские и русские иконы, средневековые фрески и книжные миниатюры, живопись эпохи Возрождения, графика Нового времени демонстрируют многочисленные примеры такого рода. Текст, как правило, был задействован в произведении искусства двояко. Во-первых, внешним — по отношению к изображению — образом: речь идет о названии произведения, являющимся дополнительным фактором, проясняющим его смыслы. (Подобное использование текста стало возможным в связи с появлением на художественной арене фигуры «автора», то есть тогда, когда искусство перестало быть анонимным). Во-вторых, текст иногда был вплетен в саму живописную ткань произведения в качестве деталей, уточняющих частности изображаемого — имена персонажей, место действия, даты. Использование в этом же качестве изречений из Святого Писания, литературных цитат или высказываний известных людей определенным образом направляло восприятие зрителя, способствуя наиболее аутентичному постижению авторского замысла. В любом случае, в классическом изобразительном искусстве текст использовался, прежде всего, как составляющая произведения, способствующая пониманию изображения, содействующая извлечению из него смыслов: текст здесь являлся агентом рационального мышления.

Искусство модернизма в декларативной форме отвергло многие приемы художественной выразительности, выработанные картезианской культурой Запада, но прием, о котором идет речь, оно использовало много и охотно, правда, в иных, прежде не встречающихся в классическом искусстве, контекстах. Так, в знаменитом кубистическом коллаже текст нередко используется безотносительно к его содержанию, исключительно из эстетических соображений, исходя из его сугубо декоративных возможностей (более густо напечатанные или, напротив, разреженные строки, жирные заголовки газетных и журнальных статей создавали определенные визуальные эффекты). Пикассо, например, создал немало коллажей такого рода (В коллаже «Скрипка и ваза для фруктов», созданном в 1913 г., верхняя часть вазы вырезана из газетного текста; газетные вырезки использовались

Чтение и Писма

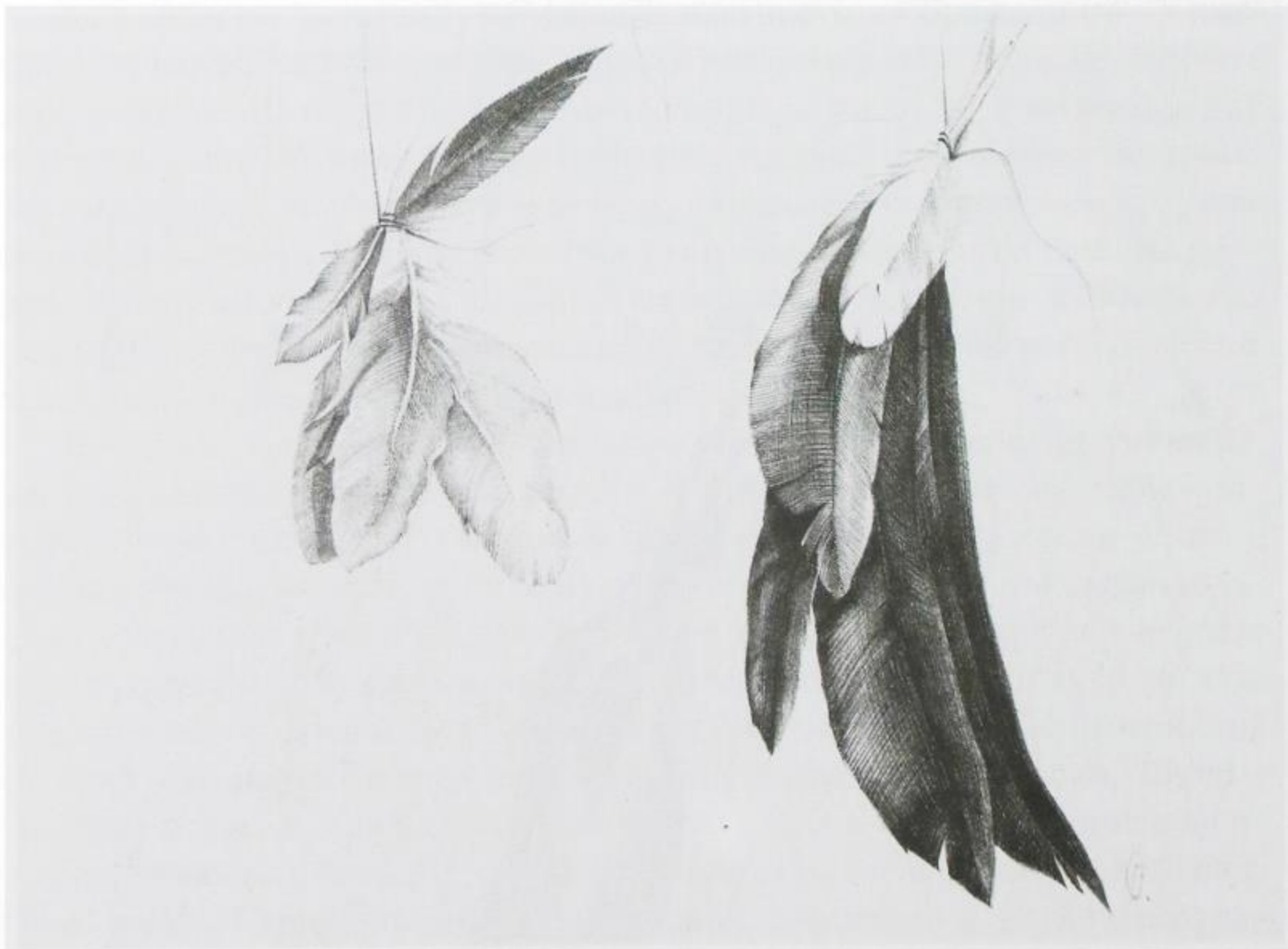
художником и в коллажах того же года — «Человек со шляпой», «Гитара» и т. д.). Кроме того, в работах кубистов (Ж. Брак, П. Пикассо, Х. Грис) текст нередко используется и «по назначению»: в этом случае он представлен хаотическим набором обрывков листовок, меню, винных этикеток, газетных статей. Фрагменты текста, включенные в живописное произведение, должны были представлять современность, проникшую в архетипическую застылость форм раннего кубизма, иначе говоря, они были призваны приносить в произведение своего рода «дух времени». За исключением утраты связности повествования, этот вариант использования текста отчасти совпадает с классическим: во всяком случае, он — в своеобразной дискретной форме — явно призван указывать на некие обстоятельства места и времени, пусть время в данном случае и ограничивается только современностью. Сказанное относится и к дадаистским объектам, в том числе, к «мерцам» К. Швиттерса — объемным коллажам, своим названием обязанным фрагменту рекламного проспекта «Коммерцбанка», использованному известным дадаистом (в работу угодил слог «мерц»).

Хаотическую мешанину обрывков текста в искусстве модернизма некоторые исследователи, в частности В. С. Турчин, объясняют влиянием техники на реалии жизни того времени: благодаря изобретению телефона, телеграфа, мир начала века «заговорил», в нем резко возрос объем потребляемой информации. Именно это обстоятельство и стало причиной широкого использования текста в изобразительном искусстве [Турчин 1993: 97]. Но ка-

С. Перепелкин. ЕДА

кую информацию, в таком случае, таят в себе отдельные цифры и случайные буквы, нередко встречающиеся в работах, например, русских кубофутуристов (Н. Гончарова, М. Ларионов, К. Малевич, Н. Удальцова и др.)? Очевидно, что текст, распавшийся даже не на слова, а на ряд случайных букв, более не может являться носителем какой-либо информации. Использование данного приема как русскими, так и итальянскими футуристами (У. Боччони, Дж. Северини), вероятнее всего, имеет целью продемонстрировать зрителю глобальный распад уходящей картины мира и всех ее составляющих: визуального образа; текста, лишившегося способности быть источником не только смысла, но и какой бы то ни было информации; и, в целом, рационального мышления как основания той картины мира, против которой выступили художники-модернисты и чьи смыслы они полагали изжившими себя. Художественная коммуникация в этом случае становилась практически невозможной, так как зритель оказывался перед визуальным образом разрушения всего того, что еще вчера определяло его существование (пусть даже это был какой-нибудь безобидный натюрморт). Он более не мог *понимать*, он мог только *предполагать*, опираясь уже не на разум, а на интуицию. В то же время, несмотря на известный драматизм ситуации, художники, использующие в своих работах обрывки текстов, были далеки от апокалиптических настроений: подходил к концу мир обветшалых ценностей, но они это только приветствовали, так как программно выступали против него. Конец старого

С. Перепелкин. ПАМЯТЬ

мира означал для них приход мира нового, и это, скорее, было поводом для радости, а не для огорчений. Не случайно Пикассо довольно часто использует целиком или фрагментарно слово «Jouer» (фр. — «играть, забавляться»). Вполне в соответствии с игровыми концепциями культуры новое искусство зарождалась в игре. Это искусство стремилось быть *иным*, ничем, в том числе и способом репрезентации, не напоминающим классическое, основанное на принципе мимесиса (подражания).

В. Л. Лехциер, говоря о доминирующем в культуре способе репрезентации, отмечает, что вещь в европейской классической живописи оказывается плененной дважды: не только благодаря репрезентации, основанной на сходстве (в силу чего изображаемый объект имеет референт), но и в силу возможности вербального утверждения по поводу изображенного — «мы видим именно это» [Лехциер 2007: 63]. К сказанному в нашем случае можно добавить: «то, что мы видим именно это, подкреплено текстом». В наиболее радикальных произведениях искусства модернизма нарушается либо один принцип — как в творчестве Р. Магритта, изобразившего курительную трубку, под которой тщательно вывел: «Это не трубка» — либо оба, как это происходит, например, в абстракционизме. Реципиент оказывается перед произведением, которое «представляет непредставляемое»: оно не только не поддается рациональному объяснению, но даже и описанию, и в этом смысле оно абсолютно герметично. Пытаясь пробиться к смыслу произведения, зритель обращается к тексту. В случае, если текст, включенный в живописную ткань произведения, представлен лишь отдельными буквами и цифрами (то есть текст этот не только неинформативен, но неинформативен концептуально), использовать его как тропу, ведущую к смысловым значениям произведения, не получится. Здесь реципиенту могло бы помочь название работы, но оно абсолютно не соотнесено с изображением. Названия произведений дадаистов, сюрреалистов, скорее, заставят зрителя задуматься об абсурдности не только этих направлений искусства, но и его, зрителя, существования, нежели позволят ему хоть на йоту приблизиться к смыслам этих произведений.

«Классика жанра» — это, конечно, уже упомянутая «Это не трубка» Р. Магритта (1928) и его же «Это не яблоко» (1964). (Как легко догадаться, на последней работе весьма реалистично изображено яблоко с надписью над ним: «Это не яблоко»). Иррациональность этих произведений многократно усиливается благодаря реалистической технике живописи и достаточно банальным названиям, которые пришлись бы впору студиям начинающего художника. По отдельности то и другое понятно, вместе же создает совершенно неожиданный образ, не вписывающийся в наши представления о мире. Через этот странный, абсурдный образ художник пытается передать нам свои интуиции: мир не такой, каким он нам кажется, каким мы привыкли его себе представлять. Привычка, лежащая в основании нашего восприятия мира, делает восприятие клишированным, лишает нас

свежести взгляда и, соответственно, воздвигает между человеком и миром все новые и новые препоны, отдаляя его от нас.

На наш взгляд, классический способ репрезентации оказывается окончательно дискредитирован в третьем случае, когда изображение дополняется обрывками текста, распавшегося на составляющие — слоги, буквы; текста, не несущего более в себе ни смысла, ни информации. В контексте того, что письменность является одним из важнейших завоеваний любой культуры, распад визуального образа текста зримо являл конец новоевропейской культуры, построенной на рациональных основаниях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лехциер В. Л. Это не ТРУБКА, это СИГАРЕТА: ЧЕТЫРЕ ПЕРЕКУРА ПО ПОВОДУ ПРОСТЫХ И НЕПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ // *Mixtura verbotum: сила простых вещей*. Самара, 2007.
2. Турчин В. С. По лабиринтам авангарда. М., 1993.

Владимир
Геннадьевич
БОГОМЯКОВ

ТЮМЕНЬ конца XX в. В РОМАНЕ «КОТИК ПОЛЗАЕВ»

Роман Владимира Богомякова «Котик Ползаев» написан из будущего: в 2050-м г. автору исполнилось 95 лет, он сидит на пне в новом радостном мире, где нет государств, исчезли все мучительные проблемы прошлого века, но вместе с ними и время перестало течь, и пространство стало легко преодолимым без помощи транспортных средств. Однако, взгляд автора обращен назад, в круг прошедших времен, существующих в его памяти случайными и разнородными обрывками, из которых, тем не менее, выветрилось все малозначимое; все обрывки исключительно важны, хотя почему они важны, уже не всегда понятно. Автор отказывается давать им оценку, ему не под силу социальный анализ; он всего лишь свидетель происходившего. Все обрывки прошлого, все прожитые линии так или иначе связаны с городом Тюменью.

Название «Котик Ползаев» явным образом отсылает к повести Андрея Белого «Котик Летаев», заполненной антропософскими и розенкрейцеровскими мифологемами. В «Котике Ползаеве» достаточно много говорится об оккультных кружках и группах в городе Тюмени, существовавших в конце прошлого века. Они оказали значительное влияние на литературное творчество Алексея Михайлова и Константина Михайлова, на песни Романа Неумоева и Егора Летова, на живопись Евгения Вигилянского и т. д. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. происходит обращение значительной